

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2=Рус)6
Р 93
О.В. Рыбак

**Человек и время в художественной концепции личности В. Крупина на материале
повести «Слава Богу за все»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Цель анализа повести В. Крупина «Слава Богу за все» – выявление особенностей решения автором проблемы «человек и время». Для писателя связь душевного, физического состояния героя и исторических событий эпохи, то есть личного и общего, логична и естественна. Такова одна из составляющих художественной концепции личности В. Крупина.

Ключевые слова:

Художественная концепция личности, образ, видение истории, соотнесенность.

Специфика концепции личности В. Крупина и особенности ее художественного воплощения зачастую вызывают появление негативных отзывов в критике о самом писателе. Так Александр Агеев в статье «Простодушный», посвященной разбору повести «Слава Богу за все», обнаруживает в лице автора произведения «находку для социолога, изучающего фобии, предрассудки, стереотипы массового сознания в переходные времена» [1: 226]. В высказывании критика бесспорно лишь одно: указание на связь образа главного героя повести (для критика он же автор) с конкретной исторической эпохой. Однако сам Агеев признавать закономерность подобной связи отказывается. Он иронизирует по поводу наступления душевной и физической немощи повествователя «Слава Богу за все» после событий октября 1993 года. Исследователь в своей статье так выстраивает цитаты из авторского текста, так перемежает их собственными язвительными замечаниями, чтобы показать нелепость слов Крупина о разладе и в душевном состоянии героя, и в «соматическом». Причем на последнем слове Агеев особенно заостряет внимание, повторяет его дважды, обнажая абсурдность соотнесения автором подобных изменений с расстрелом парламента. Обратимся к анализу текста с целью осмысления подобной оценки произведения и его автора.

После событий октября 1993 года главный герой «Слава Богу за все» переживает предел существования, максимально приближенный к самоотрицанию: «Не проходила не то, чтоб какая-то пришибленность, но нервная усталость, от которой нет лекарства. Вроде не с чего устать, а весь разбитый. Ляжешь – вставать неохота. То-то вспоминалось некрасовское бурлацкое “а если б к утру умереть, то лучше было бы еще» [2: 72].

В духовном плане справедливо говорить о наступившей смерти. От потрясения герой резко стареет, утрачивает способность воспринимать время, ощущает провалы в памяти. Мысль о прекращении духовного бытия автор подкрепляет сновидениями героя: «Будто мы в машине с отцом, уже умершим, но во сне живым. <...> Прошу сесть за руль третьего в машине, своего сына. Он лихо выруливает и газует. Я говорю: «Ты потише, ты меня на кладбище везешь» [2: 73].

Повествователь «Слава Богу за все» – писатель, но в тексте отсутствует такое проявление духовной жизни, как творчество: думы его сковывает «судорога». Даже с единомышленниками оказывается не о чем говорить, минуты встреч с друзьями гнетут.

В физическом плане жизнь этого человека продолжается, хотя и совершается «по принуждению»: «Ночь не приносила покоя, утро не поднимало к бодрой деятельности, наоборот, рассвет тяготил необходимостью как-то карабкаться к закату» [2: 74]. Все усиливается боль в локте, ко всему прибавляется простуда.

На первый взгляд может показаться, что описанию ухудшения самочувствия автор уделяет слишком много внимания, посвящает читателя в абсолютно незначительные подробности, неоднократно возвращаясь в тексте к болезненным ощущениям героя: «Болела рука, болела. Мне локоть сильно повредили...»; «Вначале локоть вроде бы прошел, но потом прижало. Вроде и не кость болела, но тогда бы, если мышцы, то прошло бы быстро. Пусть даже растяжение. Нет, не проходило. Я не мог, здороваясь, пожать руку. <...> И по домашнему хозяйству стал плохим помощником... »; «Дела с моей рукой ухудшались. Попарил – еще хуже стало, какой-то мазью натер – все без толку»; «К бедам моим добавилась страшная простуда, бил кашель. Потом стал слезиться правый глаз. <...> А рука вообще забастовала, так дело пойдет, думал я, и перекреститься не смогу. Начало сводить пальцы» [2: 73].

Однако, если обратиться к первой цитате в этом тематическом ряду, все становится на свои места: «В той братоубийственной заварухе, в толпе, мне повредили руку. И ничто не помогало. Шли дни, не легчало. А события четвертого октября не отодвигались, а все длилось и длилось в памяти. <...> Не хотелось вспоминать, но все стояли в глазах тот солнечный день, те страшные залпы, тот огонь и дым» [2: 72]. Налицо связь физической немощи с конкретными историческими событиями. Боль в локте и расстрел парламента автор намеренно ставит рядом, подчиняя первое второму. То есть боль в обобщенном значении этого слова – скорбь всего народа – входит в конкретного человека и принимает форму боли физической, от которой нет избавления. Да, это болезнь, но природа у нее иная, поэтому не излечить тяжелых симптомов с помощью обычных средств, воздействующих на мышцы, связки, кости. Требуется возрождение и исцеление души, умерщвленной глубочайшими потрясениями от величайшей трагедии в истории русского народа, трагедии, свидетелем которой довелось быть.

Таким образом, для Крупина соотнесенность общего и личного понятна, логична и естественна. Подобное видение истории характерно и для В. Кожина. В начале статьи «Современность искусства и ответственность человека» Вадим Валерьянович обращается к словам В. Маяковского, в которых поэт выдвигает особенное требование к изображению исторических событий в художественном произведении: «... Можно не писать о войне, но надо писать войною!» Критик не только соглашается с поэтом, но и приводит эту мысль к широкому обобщению: «В самом, казалось бы, незначительном проявлении нашей чисто «личной» жизни отражается, присутствует это громадное целое – общее состояние современного мира» [3: 27].

Иллюстрацией выведенного положения служит яркий пример: автопортрет П. Кончаловского, написанный в 1943 году, контрастирует с другими работами художника. Портрет этот «написан войною», поэтому и выпадает из общей тональности творчества мастера – «открытого веселья», «ничем не омраченной радости», «красочного мира» [3: 25]. Кончаловский не пишет в это время о войне, но война входит в его автопортрет. Это придает произведению искусства неподдельную искренность, обеспечивает совпадение его с самой жизнью.

Так и у главного героя крупинского «Слава богу за все» сильнейшие душевные переживания вызывает то, что «русские убивали русских. Даже когда русские выходили без оружия, сдаваясь на милость победителя, другие русские их били, убивали, пинали, пытали, казнили» [2: 74]. Более того, расстрел парламента настолько входит в его жизнь, что сказывается на состоянии физическом: мешает выздоровлению, продлевает и усиливает боль. Герой осознает, что продолжение бытия его личности возможно лишь при условии духовного воскресения и, как человек воцерковленный, надежду на него связывает исключительно с ортодоксальными ценностями и их чудотворным воздействием на человека вообще, но, главное, на человека русского: «Всегда, во все времена русской истории, особенно во времена тяжелые, русских людей спасали национальные святыни. <...> Шли к преподобному Сергию, к Киевским и Соловецким угодникам, к иконам Почаевской, Коренной, шли в Александро-Невскую лавру...» [2: 72].

«Великое горе» в стране вызывает физическую болезнь повествователя и в связи с ней осознание необходимости паломничества в Троице-Сергиеву лавру.

В произведении есть место и описанию событий истории, но оно больше напоминает ссылку на них, иносказание. Для того чтобы дать наиболее полное, максимально приближенное к реальности представление об общем состоянии народа, Крупин показывает, как изменилось, преобразилось существо одного человека, его личное бытие. Через ощущения главного героя «Слава Богу за все» у читателя появляется возможность оценить глубину трагедии, которой стал расстрел Белого дома. На конкретном примере мы видим, как переживал события 1993 года каждый человек, не уподобившийся животному, не растерявший своих человеческих качеств. Только Православие дало возможность возродиться после духовной смерти. Страшные события укрепили веру людей воцерковленных, других же повернули к Богу.

Итак, образ главного героя повести «Слава Богу за все» написан событиями, произошедшими в нашей стране в конце XX века. Детальное изображение душевного и физического состояния человека, стоящего в центре произведения, оказывается полностью подчинено зарисовке времени. Понимание невозможности вычленения героя из конкретной эпохи, слитности человека со своим историческим временем – важное условие осмысления художественной концепции личности В. Крупина в целом.

Примечания:

1. Агеев А. Простодушный // Знамя. 1995. № 9.
2. Крупин В.Н. Слава Богу за все // Наш современник. 1995. № 1.
3. Кожин. Статьи о современной литературе. М., 1982. 303 с.